

(Окончание. Нач. на 1-й стр.)

— В 1937 году был в Монголии в спецкомандировке, работал в штабе 57-го особого корпуса. (Дочь Майя родилась в Улан-Баторе). В 1938 году перевели в Россию. В России были специальные курсы преподавателей спецдела в Тамбове. А потом — с началом финской кампании получил назначение начальником 6-го отделения штаба 47-го стрелкового корпуса. Корпус входил в состав 9-й армии, которой командовал знаменитый Василий Иванович Чуйков. Меня назначили в штаб 9-й армии на должность заместителя начальника 8-го отдела. 8-й отдел — шифровальщики, — пояснил Николай Андреевич. — В январе 1940-го, когда война с белофиннами закончилась, возвратился обратно в штаб 47-го корпуса.

Корпус перебросили в Орджоникидзе, потом — в Минск, перед войной штаб дислоцировался в Бобруйске. Все эти страшные дни начала войны нам пришлось пережить. Штаб перебрасывали до Малоярославца, а как эвакуировали семью — я тогда и не знал. В Малоярославце формировалась 34-я армия. Где-то к осени меня назначили начальником 8-го отдела армии. Она входила в состав Северо-Западного фронта. Начальником штаба армии был Николай Федорович Ватутин — другой наш знаменитый товарищ. На базе 34-й и 27-й армий формировалась 53-я армия. Я получил назначение начальником 8-го отдела 53-й армии. В 1943-м воевал за освобождение Харькова. Потом послали в Москву учиться в академию им. Фрунзе. В 1944-м по окончании академии стал начальником оперативного отделения штаба 6-й Орловской стрелковой дивизии. Потом были Румыния, Венгрия, Чехословакия. Войну закончил 8 мая под Прагой — здесь меня легко ранили. Дальше армию перебросили в Монголию — началась война с Японией. Прошли мы пустыню Гоби, прошли Малый и Большой Хинган.

После войны с Японией назначили горвоенкомом в Тулун, а в декабре 1954-го — военным комиссаром Черемхово. В 56-м было большое сокращение в армии, ушел на

пенсию. Работал секретарем исполкома Черемховского городского совета — до 1961 года. А с 1961 г. — на общественной работе. Тринадцать лет отработал в комитете народного контроля, кроме того, был членом штаба кавалеров ордена Ленина — при вашей газете такой существовал.

Что еще? Имею награды: орден Ленина, орден Красного Знамени, два ордена Отечественной войны I степени, два ордена Красной Звезды, девятнадцать медалей.

На сегодняшний день

Лидия Нестеровна с Тамарой Майей и маленьким Володей — он родился в январе 41-го — выехали из Бобруйска и «бежали впереди наших отступающих частей», добрались до Горького, где жили родственники.

Об Иване Андреевиче — старшем брате, учителе, директоре школы мне рассказывали особо, вспоминают о нем с теплотой и большим уважением. Выросший в бедной семье, Иван Андреевич вряд ли стал бы учителем, но на него ввремя обратили внимание добрые

люди. Дочь приходского священника Каридарина, Вера Петровна, в ту пору учительствовала в сельской школе и заметила очень способного мальчика, которому родители, конечно, не могли бы дать образование. Посоветовалась с отцом, посодействовала. За казенный счет Иван поступил в двухклассное училище, а после — в учительскую семинарию. Когда началась империалистическая война, оставалось учиться всего год. Казном царя лиц, учащихся в последних классах, от службы в армии освобождали, но Иван поругался с каким-то начальником и его отправили воевать. Его тяжело ранило — потерял ногу. Уже инвалидом (было ему, кстати, чуть больше двадцати лет) он окончил семинарию и стал преподавать в сельской школе, содержал семью.

— Сколько я его помню, — говорит Тамара Николаевна, — он был директором школы в Горьком, награжден орденом Ленина. Среди учеников много известных, уважаемых людей, есть и громкие фамилии. Например, Блохин — академик медицины. Есть и художники. У нас хранится портрет Ивана Андреевича работы его ученика.

Предлагаю вспомнить какой-нибудь эпизод. Но, судя по всему, запоминающихся эпизодов у Николая Андреевича видимо-невиди-

мо. Как едва не убили, как в самом начале войны чуть было в плен не попал вместе со всей штабной документацией и шифровальщиками: — Ехали на полуторке, немцы совсем близко. Мы едем поверху, а они — внизу, уже речь их слышно. Тут полуторка возьми да перевернись. Дважды перевернулась, одного из нас слегка придавило, но хорошо, что на колеса встала, иначе все было бы. А так успели уехать.

— Финская война вспоминается. Короткая она бы-

• ЮБИЛЕИ

БЕЗ МАЛОГО ВЕК

яю, — сказано тем же тоном, что и о наградах, — трех дочерей; пять внуков, шесть правнуков и одного праправнука — итого их двенадцать человек.

Да, еще — с 1979 года — член президиума городского совета ветеранов.

Вот, кажется, все. Думаю, достаточно. Ты много-то не пишешь, это незачем. Напиши покороче.

НЕ СТОИТ думать, что Николай Андреевич и его дочь Тамара Николаевна немногословны, мало-разговорчивы и скупы на слово. Нет, вовсе нет: они прекрасные собеседники и охотно поддерживают разговор на любую тему, могут много что интересного рассказать — заслушаешься. Но при этом они скромные люди и уж никак не хотят произвести впечатление тех, кто хвастается, даже когда похвастаться есть чем.

— Папа не сказал, что он работал преподавателем тактики в Канске — это Барнаульское пехотное училище, — добавляет Тамара Николаевна. — В Канске мы к нему и приехали (до конца войны мы жили в Горьком). Потом уже поехали в Тулун.

Тамара Николаевна, конечно, помнит войну, эвакуацию, но рассказывает без каких-либо подробностей — «к чему?». Подробности страшны, вспоминать тяжело, пережить пришлось многое. В общих чертах, в двух словах: 28 июня

ла, но уж очень страшная. Мороз свыше пятидесяти градусов, войска не подготовлены. Как раз перед тем заняли Буковину — войска оттуда, с запада, перебросили на финскую. В легком обмундировании. Половину народа поморозили. А финны здорово воевали и организовано у них все было, как положено.

Всякое было, но...

— 1937-1938 годы — самые тяжелые. Тогда друг с другом ни о чем нельзя было разговаривать, почти не общались, друг к другу в гости, как мы ходим сейчас, не ходили. Потому что заберут одного, и сразу потянется цепочка: кто к нему ходил, с кем говорил. Один, второй, третий, кто друг, кто приятель, кто знакомый, всех подряд и забирают. Был случай: командира полка арестовали, заместителя его на собрании выступают, критикуют, громит, а в скором времени и заместителя арестовывают.

— Жили мы в Горьковском кремле, — вспомнила Тамара Николаевна. — Представь: длинный-длинный коридор, 41 дверь — 41 квартира. Пол деревянный и шаги слышны хорошо, звук далеко раздается. Каждую ночь в коридоре шаги и никто не спит: прислушиваются, у какой двери они остаются.

ОБЩЕСТВЕННОЙ работой Николай Андреевич занимается с 1923 года — тогда вступил в ком-